

К 50-летию ПОБЕДЫ: СОБЫТИЯ, ВОСПОМИНАНИЯ, МНЕНИЯ

© 1995 г., ЭО, № 5

А. Золотарев

35 ДНЕЙ В ФАШИСТСКОМ ПЛЕНУ*

Тридцать пять дней пробыл я в плену у врага. За это время я побывал в трех лагерях для военнопленных: в деревне Стайке, в Ельне и в центральном Смоленском лагере. Мне удалось бежать... Восемнадцать дней шел я затем по оккупированной территории, пробираясь глухими дорогами и волчьими тропами к родной Красной Армии. Картины и сцены, свидетелем которых мне пришлось быть, глубоко потрясли меня. Негодование и ненависть, смертельную ненависть к озверелому врагу вызовут они в сердце каждого честного человека.

То, о чем я здесь рассказываю читателям «Смены», истина, печальная и страшная.

Все, о чем я пишу, я либо видел собственными глазами, либо слышал от десятков людей, заслуживающих доверия,— от таких же военнопленных, как я, или от крестьян, живущих на оккупированной территории.

Дорога смерти. Положение красноармейцев в немецком плену настолько тяжело, что едва ли можно найти в истории подходящую аналогию. Ни римские рабы, ни крепостные не были столь бесправны, как русские бойцы в плену у фашистских захватчиков. Быть может, только самые свирепые и тупые из пиратов, перевозивших в начале XIX века негров-рабов из Африки в Америку, обращались со своими жертвами так, как фашисты обращаются с пленными красноармейцами.

Пленные, как и все население оккупированной территории, низведены до положения скота и целиком отданы на произвол немецких офицеров и солдат. С бойцов и командиров, взятых в плен, немедленно снимают пояса, плащ-палатки, сапоги, шапки, перчатки.

Грабят немцы не только тогда, когда они сами голы и босы, но и в запас. Повесит мародер запасную пару сапог за плечи и пойдет себе дальше...

Немецкие мародеры отнимают у красноармейцев деньги, часы. Усиленно ищут они у военнопленных сахар, в котором фашисты испытывают жестокую нужду.

Путь в лагерь длинен. Колонна пленных, среди которых много больных и раненых, движется медленно. По пяти—шести дней люди не получают пищи. Нет ничего более страшного, чем вид этих изможденных, полумертвых людей, тоскливо бредущих вдоль дороги. Мне самому пришлось шесть дней идти в составе партии пленных из Стаек в Смоленск. За все это время мы получили пищу только один раз: нам дали по блюду неразмолотой пшеницы, сваренной в воде... Все эти дни мы были полумертвы от голода и холода. Кто подбирал в карманах

* А. М. Золотарев (1907—1943) — известный советский этнограф, автор книг «Пережитки тотемизма у народов Сибири» (Л., 1934), «Родовой строй и религия ульчей» (Хабаровск, 1939), «Родовой строй и первобытная мифология» (М., 1964) и ряда других работ. Его пребывание в немецком плену, о котором рассказывается в этой статье («Юность», 1942, № 6, март), послужило предлогом для его ареста и направления в место заключения. В 1957 г. дело по обвинению А. М. Золотарева пересмотрено, постановление особого совещания при НКВД от 2.09.1942 отменено и дело прекращено за отсутствием состава преступления. Александр Михайлович Золотарев реабилитирован посмертно.

крошки сухарей, кому удалось выкопать на привале пару картофелин или достать у крестьянок ломоть хлеба, но многие вообще ничего не ели...

Погода стояла суровая, по вяземским холмам гулял студеной ветер. Шел мокрый снег. Ночевали мы под открытым небом либо в сараях с полуразрушенными крышами. В эти сараи немцы сгоняли столько людей, что не только лечь, но и сесть нельзя было.

Никогда не забуду я ночь, проведенную на станции Яново, близ Смоленска. Днем погода была промозглой и холодной, а переход — особенно долгим. В Яново мы пришли в полной темноте, голодные, промерзшие до мозга костей, совершенно измученные. Всех нас согнали в пустое бетонное здание спирто-водочного завода. Люди сбились теснее, чем сельди в бочке. Нечего было и думать о том, чтобы сесть. Всю ночь простояли мы так в холодном здании, прижавшись друг к другу. Бесполезно было пытаться пробиться к двери. Стоны раненых и умирающих, вопли задавленных неслись со всех сторон. Обессиленные постепенно сползали под ноги тех, в ком еще теплилась жизнь... Много трупов осталось в эту страшную ночь в здании завода, еще больше лежит на дорогах, по которым вели пленных.

Никогда в бою не видел я такого страшного уничтожения людей, как на пути в Смоленский лагерь. Военнопленных, обессиленных многодневным голодом, холодом, бессонными ночами и долгими переходами, теряющих силы и отстающих от колонн, немецкие конвоиры, как правило, пристреливают.

Сначала немец-конвоир нещадно бьет обессиленного красноармейца штыком или прикладом по голове, подталкивает острием штыка, топчет ногами. Затем, когда фашисту наскучит возиться с обессиленным человеком, он вскидывает винтовку. Выстрел в упор — и еще одно тело валится на обочину дороги.

Конвоем, сопровождавшим колонну военнопленных, в составе которой я шел из Ельни в Смоленск, командовал высокий молодой фельдфебель, баварский лесничий с голубыми глазами и розовыми щеками. Фамилии его я не знаю. Солдаты называли его «Шош». С невозмутимым видом стрелял этот палач в отстающих, обессиленных людей, в тех, кто отбегал в сторону, чтобы выкопать картошку или сорвать лист промерзшей капусты. Немецкие солдаты не отставали от своего командира. Наша колонна таяла, оставляя позади страшный след из неубранных трупов.

Особенно жуткие сцены разыгрывались у деревень. Крестьяне выносили пленным вареный картофель, ломти хлеба, блины — то немного, что еще не успели отобрать у них оккупанты. Тут для Шоша открывалось широкое поле деятельности. С автоматом в руках кидался он к толпе пленных, устремившихся за пищей, пускал очередь за очередью.

Никогда не забуду я одного нашего смертельно раненого бойца. В предсмертных муках он корчился на дороге, но все еще пытался схватить слабеющей рукой катившуюся по земле картошку... Не забуду и другого бойца, молодого парня из рабочего батальона. Когда раздалась команда «стройся», он все еще торопливо вытаскивал из костра недопеченную картошку. Несчастный знал: малейшее промедление грозит ему смертью, но не мог же человек, не евший пять дней, бросить добытую с таким трудом картошку...

Шош выстрелил ему в затылок и пленный упал лицом на горящие угли костра. Ошибкой было бы думать, что баварец Шош — чудовищное исключение. Нет, все германские конвоиры издеваются над пленными, расстреливают их, в особенности отстающих от колонны и больных. Убийство пленных — обычное дело в фашистской армии. Доказательство тому — шосс из Рославля к Смоленску. Оно было усеяно трупами расстрелянных наших товарищей.

Смоленский лагерь. В Смоленском лагере я оказался свидетелем еще более жестокого, варварского обращения немцев с красноармейцами. Истребление советских военнопленных здесь ведется систематически, по заранее разработанному плану.

Смоленский лагерь — это своего рода перевалочный пункт, отсюда пленных переправляют на Оршу. В Орше находится центральный распределительный

пункт, откуда оставшиеся в живых пленные рассылаются по лагерям Польши, Австрии, Германии.

Представьте себе барак, огороженный тремя рядами колючей проволоки. Холод, печей нет. Теснота, скученность — ни лечь, ни сесть нельзя. Выходить за проволочную ограду разрешается только строем, за получением пищи. Пленному, который нарушит этот приказ, угрожают палочные побои.

Все военнопленные, попавшие в Смоленский лагерь, обречены на медленное, мучительное и неизбежное вымирание от голода. Дневной рацион состоит из двух полулитровых порций баланды — жидкой похлебки из ржаной муки, сваренной без соли, в воде. Изредка в этой баланде удастся выловить кусочек лошадиного легкого, кишки или пару гнилых картофелин подряд.

Вода в лагере — величайшая редкость. К единственному водопроводному краю пленным не допускают. Если вам, пользуясь знанием немецкого языка, удастся все же добраться до водопровода, не получив в спину пули и не испытав побоев, и вы идете в свой барак с котелком, наполненным водой, сотни молящих взглядов провожают вас из-за проволоки.

— Браток, дай напиться, хоть один глоточек! — со всех сторон просят вас.

Вы не можете отказать в глотке воды, но ведь на напоишь одним котелком всех людей!

Голод и жажда обрекают пленных на быстрое вымирание. Бледные, истощенные, бродят они, как тени, между рядами колючей проволоки, и за каждым из них по пятам идет призрак смерти. Вот споткнулся человек и упал лицом в жидкую грязь. Он делает несколько судорожных движений, тщетно пытаясь подняться на ноги, и вскоре затихает навсегда. А вот двое красноармейцев несут третьего, беспомощно висящего у них на руках. Бедняга не в состоянии дойти до кухни, а если он не явится лично, то вовсе не получит своей порции жалкой пищи.

Все пленные здесь страдают поносами, немало болеют дизентерией. Многие погибают от брюшного и сыпного тифа.

В фашистских лагерях для пленных красноармейцев особенно трагично положение раненых. Немецкие врачи и санитары не оказывают им никакой помощи. Раненые остаются на попечении русских пленников, врачей и санитаров, бессильных чем-либо помочь своим товарищам из-за полного отсутствия медикаментов.

Возвращение. Бежать, бежать во что бы то ни стало! Бежать, хотя бы рискуя жизнью, к своим, к Красной Армии и снова взяться за оружие для страшной и неумолимой мести — вот мысль, которая овладевает каждым советским человеком, попавшим в плен к фашистским варварам.

С самого начала думал о побеге и я. В пути, однако, мне бежать не удалось. В лагере же мысль об этом и вовсе пришлось оставить. Тогда мы с лейтенантом Кушнаренко твердо решили: убежим во время переезда в Оршу.

11 ноября нас всех собрали, чтобы отправлять дальше. При выходе из лагеря каждый военнопленный получил по килограмму хлеба. Это значило: путь предстоит длинный, наверное в Польшу или Германию. Как только со сборами было покончено, нас повели на товарную станцию и там погрузили в теплушки.

Ночью, когда все в вагоне улеглись спать, мы принялись за работу. С помощью заранее припасенных напильников и обломка косы мы бесшумно откинули крюк, которым снаружи замыкалась дверь теплушки. Прошло еще несколько мгновений — и мы на ходу выскочили из вагона.

В первой же деревне, в которую мы забрели, нас приняли как родных: напоили, накормили, дали одежду, указали, куда надо держать путь, чтобы не наткнуться на немецкий патруль.

Восемнадцать суток мы шли по родной земле, занятой врагом. Но ни одной ночи не провели под открытым небом, ни одного дня не были голодны: всюду, несмотря на строжайшие запреты немецкого командования, нам оказывали помощь, давали советы.

Чего мы только не насмотрелись за это время! Мы видели опустевшие, безлюд-

ные города, сожженные дотла деревни, бесчисленные трупы замученных советских людей. Смерть и разрушение царят в местах, где еще совсем недавно жизнь была ключем.

Чем свирепее и наглее хозяйничают фашисты на оккупированной земле, тем упорнее становится сопротивление советского народа. Всюду мы находили следы боевых действий смелых партизан: порванные телеграфные провода, взорванные мосты, разрушенные склады. Земля горит под ногами захватчиков. Скоро она, наша свободная, советская земля, сбросит с себя кошмар фашистского ига. Этот желанный час уже близок!

35 Days in Fascist Captivity

The reprint of the article of the famous Soviet ethnographer A. M. Zolotarev is presented (firstly published in 1942). During the Great Patriotic War Zolotarev was a warprisoner at a German concentration camp.